

A close-up portrait of a man with a beard and mustache, wearing a dark, textured coat and a hat. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Андрей Туганов

Динамика падения

Андрей Туганов
Динамика падения

«Автор»

2026

Туганов А.

Динамика падения / А. Туганов — «Автор», 2026

История противостояния Холмса и Мориарти с другой стороны. Путь становления злого гения.

© Туганов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Туганов

Динамика падения

Пролог

Лондон, ноябрь 1867 года

Дождь шёл третий день без остановки, и Джеймс Мориарти давно перестал замечать его — так замечаешь биение собственного пульса лишь тогда, когда оно сбивается.

Он сидел в нетопленной комнате над лавкой часовщика на Чансери-лейн и смотрел на доску, исписанную мелом. Уравнения покрывали её от края до края — три слоя, один поверх другого, там, где не хватало места стереть и начать заново. В центре, обведённое дважды, стояло число. Орбита. Возмущение. Несовпадение с теорией на одну тысячную долю градуса — ничтожная погрешность для большинства астрономов и катастрофа для человека, который верил, что вселенная не имеет права на ошибки.

Снизу донёсся звон колокольчика — дверь лавки открылась, потом закрылась. Шаги на лестнице, лёгкие, не похожие на грузную поступь мистера Эбботта, хозяина.

Мориарти не обернулся. Взял тряпку и стёр нижний правый угол доски, освобождая место для нового ряда цифр.

— Вы всегда работаете в темноте, профессор?

Голос принадлежал женщине — спокойный, с едва заметным акцентом, который он не сразу определил: что-то средневропейское, смягчённое годами в Лондоне.

Он повернулся. В дверях стояла она — в тёмном плаще, с которого на пол уже натекла небольшая лужица, перчатки держала в руке и не торопилась снимать. Лет двадцати пяти, может, чуть больше; лицо из тех, что не запоминаются сразу, а проявляются постепенно, как фотографический снимок, — и тем сильнее держатся в памяти потом.

— Лавка закрывается в семь, — сказал Мориарти. — Сейчас почти девять. Как вы вошли?

— Через заднюю дверь. — Она наконец стянула одну перчатку, палец за пальцем, методично, словно это было важнее всего на свете. — Мистер Эбботт должен мне небольшую услугу. А я ему — гораздо большую, так что дверь была открыта.

— Понимаю. — Он вновь повернулся к доске.

— Вы не спрашиваете, кто я.

— Если бы это было важно, вы бы сказали сами.

Она тихо рассмеялась — не насмешливо, скорее с удивлением человека, который ожидал одного и получил другое.

— Меня зовут Селина Гарнье. — Пауза. — Это имя вам ничего не скажет. Но мне порекомендовали вас как человека, способного решить задачу, с которой не справились трое моих коллег.

— Я читаю лекции по прикладной математике, мисс Гарнье. — Он произнёс её имя так, словно проверял его на вкус — и не нашёл фальши, хотя был уверен, что оно фальшиво. — Я не решаю задачи для людей, которые приходят через заднюю дверь после семи вечера.

— Вы решаете именно такие задачи. — Голос остался ровным. — Просто пока не знаете, что вам это нравится.

Он отложил тряпку. Впервые за весь разговор посмотрел на неё прямо — не на плащ, не на перчатки, а в глаза, серые, почти бесцветные в свете единственной свечи. И вдруг с раздражением понял, что не может с уверенностью сказать, сколько ей лет, откуда она и что из сказанного — правда.

Это раздражение было ему незнакомо. Обычно он мог разложить человека на переменные за тридцать секунд.

— Какая задача? — спросил он. И сам услышал в своём голосе то, чего терпеть не мог в других, — любопытство.

Она шагнула ближе и положила на край стола сложенный вчетверо лист бумаги. Цифры в три колонки: вес груза при погрузке в порту отправления, вес при разгрузке в Лондоне, разница между ними — для полутора десятков рейсов одного судна за полтора года.

— Это хлопок-сырец из Александрии, — сказала она. — Официально — только хлопок. Внутри, в пяти рейсах из пятнадцати, — хинин. Неочищенный, спрессованный в брикеты, упакованные в сердцевину тюков, куда таможенный щуп не добирается. В декабрьском рейсе груз прибыл с недостачей — не в бумагах, а в реальности. Брикеты исчезли. Вместо них — балласт нужного веса. По документам всё чисто.

Мориарти не перебивал. Смотрел на лист.

— Кто-то извлёк хинин и подложил балласт, — продолжала Гарнье. — Кто-то, кто знал о содержимом. Три человека имели доступ: агент в Александрии, стивидор, капитан. Трое моих коллег посмотрели на этот лист и через два дня сказали, что данных недостаточно. Что без наблюдателя в Александрии ничего не докажешь.

— Вам нужно не доказать, — произнёс Мориарти тихо. — Вам нужно знать.

— Да. — Короткая пауза. — Именно так.

Он смотрел на цифры. Они складывались в голове почти мгновенно — не текст, а форма, узор. Влагопоглощение хлопка зависело от температуры воды, продолжительности рейса, плотности укладки тюков, порядка погрузки партий. Переменных — больше десятка. Где-то в этом узоре была трещина: маленькая, аккуратная, невидимая для тех, кто смотрел на лист как на юридическую проблему, а не как на физический процесс.

— Это займёт у меня вечер, — сказал он. — Может быть, два.

— Я знаю. — В её голосе послышалась улыбка, хотя лицо оставалось серьёзным. — Именно поэтому я здесь.

— Вы не ответили, кто вы, мисс Гарнье.

— Нет. — Она надела перчатку обратно. Движение было всё таким же методичным — но теперь, наблюдая за ним, он заметил: это не привычка к аккуратности. Это привычка к контролю. — Но я отвечу на вопрос, который вы пока не задаёте: да, если вы решите эту задачу, будет следующая. И рано или поздно вы поймёте, что решаете их не ради денег.

Она направилась к двери. У порога, не оборачиваясь, добавила:

— А потому, что во всём Лондоне это единственные задачи, достойные вашего ума.

Дверь закрылась тихо. Колокольчик внизу качнулся один раз и затих.

Мориарти стоял неподвижно. Он думал о том, что она сказала — и о том, чего не сказала. Она пришла через заднюю дверь после девяти вечера. Она знала о задаче достаточно, чтобы объяснить её в трёх предложениях. Она знала, что трое до него отказались. Она знала, что он согласится.

Последнее его беспокоило больше всего — потому что она оказалась права.

Он подошёл к доске, взял тряпку — и одним движением стёр все три слоя уравнений, до серой пустоты грифеля.

Затем взял со стола лист бумаги, разложил его рядом с чистой доской и взял мел.

Дождь за окном не утихал.

Глава 1. Динамика астероида

Дарем, шестью месяцами ранее

Если спросить любого из студентов факультета естественных наук Даремского университета, каким был профессор Мориарти, ответ был бы одинаков почти у всех: самый молодой

лектор кафедры математики за всю её историю — и человек, с которым лучше не встречаться взглядом дольше двух секунд.

Ему было двадцать семь лет. За плечами — диссертация, которую один из рецензентов Королевского общества назвал "работой, опередившей понимание автора об её собственных последствиях". Эту фразу Мориарти перечитывал достаточно часто, чтобы выучить наизусть, хотя так и не решил, комплимент это или предупреждение. Скорее всего, и то и другое — рецензент был умным человеком.

Трактат назывался "Динамика астероида". Сорок страниц о поведении малых тел в гравитационном поле нескольких крупных масс — задача, которую до него считали неразрешимой в общем виде. Мориарти не решил её в общем виде. Он сделал иначе: показал, при каких условиях задача становится разрешимой, если позволить себе на мгновение допустить, что небесные тела ведут себя так, будто имеют намерения.

Это "будто" он подчёркивал на каждой лекции. Не всегда достаточно громко.

— Представьте, что астероид хочет куда-то попасть, — сказал он однажды старшекурсникам, заметив, что половина аудитории потеряла нить. — Просто на секунду. И тогда уравнение перестанет быть про массу и расстояние. Оно станет про путь.

Большинство кивнули — полезная метафора, не более. Но один студент, сын каноника местного собора, юноша серьёзный и тревожный, после лекции подошёл к декану с вопросом: означает ли это, что профессор Мориарти полагает, будто неживая материя обладает волей, присущей ей самой по себе — не данной Творцом?

Декан, человек осторожный, не придал бы этому значения. Если бы тем же летом в местной газете не появилась анонимная заметка о "тревожных тенденциях в преподавании естественных наук" — о молодом лекторе, чьи теории "придают неживой материи намерение и волю, что есть прямой путь к материализму и безбожию".

Заметку написал не студент. Мориарти это понял сразу — слог был другой, взрослый, с привычкой к газетной риторике. Кто-то из коллег, скорее всего. Кто-то, кому была нужна его кафедра.

Совет факультета, полгода назад готовый сделать его заведующим, вдруг вспомнил, что вакансия официально не объявлена. Вопрос "временно отложен до прояснения обстоятельств".

— Скажите, доктор Эллисон, — спросил Мориарти у декана при первом же разговоре. — Если бы я сказал студентам, что Бог управляет орбитами так же внимательно, как пастух следит за каждой овцой в стаде, — это было бы безбожием?

— Разумеется, нет.

— А если бы я сказал, что орбита ведёт себя так, как если бы у неё была своя маленькая цель, потому что так проще для расчётов?

Эллисон развёл руками — жест человека, который понимает, что разница есть, но сформулировать её не может, и злится на себя, а потом на собеседника.

— Дело не в том, что вы сказали. Дело в том, как вы сказали. Вы говорите так, будто это вы решаете, у чего есть цель, а у чего нет. Людям это не нравится. Особенно тем, кто платит за стипендии и новые корпуса.

Это была первая фраза за весь разговор, с которой Мориарти согласился внутренне. Людям действительно не нравилось, когда кто-то — не Бог, не природа, не судьба, а человек с мелом в руке — указывал, где проходит граница между случайностью и замыслом.

Формального увольнения не последовало — слишком грубо для учреждения с репутацией. Вместо этого предложили "годовой исследовательский отпуск без содержания для подготовки нового труда". Формулировка, за которой все прочитали одно и то же: кафедра достанется кому-то более удобному, возвращение не предполагается.

Мориарти принял условия без возражений.

Он думал об этом позже — уже в Лондоне, уже в нетопленной комнате над лавкой часовщика. Не о несправедливости — несправедливость была очевидна и неинтересна. Он думал о том, что университет дал ему за два года: студентов, которые путали метафору с теологией, коллег, которые писали анонимные заметки в газеты, и задачи, которые он решал за вечер и которые потом неделями было нечем заменить.

Он привёз с собой доску, мел и убеждённость в том, что если задача поставлена корректно — у неё есть решение. Просто иногда решение лежит за пределами областей, где его принято искать.

Иногда — и за пределами областей, где его принято считать приличным искать.

Марш

Лондон, ноябрь 1867 года

Эдвард Марш получил должность инспектора в двадцать шесть лет — на три года раньше, чем большинство его коллег по Скотленд-Ярду считали это возможным, и на десять лет позже, чем он сам рассчитывал в семнадцать, когда впервые прочитал доклад Комиссии по реорганизации столичной полиции и решил, что именно такая работа имеет смысл.

С тех пор он успел пересмотреть многое. Смысл — нет.

В ноябре шестьдесят седьмого он сидел в своём кабинете на Большой Шотландской улице и разбирал дело о краже из портового склада на Тауэр-хилл. Дело было несложным — трое рабочих, примитивная схема, один уже дал показания, — но именно в нём обнаружилась деталь, которая его остановила.

Груз, из которого было украдено, числился в таможенных документах как "хлопок-сырец, Александрия". Марш видел такую запись второй раз за три недели. В первый раз — в деле о контрабанде из дока Св. Екатерины, которое закрыли месяц назад по недостатку доказательств. Там тоже был хлопок из Александрии. Там тоже было несоответствие в весе, которое таможня объяснила "погрешностью измерений при влажной погоде".

Совпадение могло быть случайным.

Марш не любил случайных совпадений. Точнее — он не любил торопиться с этим объяснением.

Он взял чистый лист и выписал обе даты, оба судна, оба маршрута. Посмотрел на них несколько секунд, потом добавил третью строку: дата предыдущего дела из дока Вест-Индия, которое он помнил не потому, что работал с ним, а потому что коллега упоминал его в разговоре — тоже хлопок, тоже вес не сходился, тоже закрыли.

Три точки. Может быть, ничего. Может быть, что-то.

Марш убрал лист в ящик стола, под рабочие документы по краже. Не потому что считал это неважным. А потому что три точки — это ещё не линия. Нужно было больше.

Он вернулся к показаниям рабочего. Но в ту ночь, уходя домой, поймал себя на том, что думает не о троих рабочих, а о хлопке из Александрии — и о том, кому нужно, чтобы таможня объясняла несоответствия погрешностью измерений.

Глава 2. Бухгалтерия

Лондон, две недели спустя

Дом, в который Гарнье привела его, ничем не отличался от соседних — узкий, в три этажа, с закопчённым кирпичом и вывеской "Ювелирные изделия и часы. Комиссионная торговля" над входом. Внутри пахло воском, скипидаром и застоявшимся табаком.

— Здесь работает Хобсон, — сказала она по дороге, без интонации, как сообщают расписание поездов. — Перепродаёт ювелирные изделия. Скупает у наследников, продаёт коллекционерам и ломбардам. Три месяца назад у него начались неприятности.

— Что за неприятности?

— Расскажет сам. — Она остановилась перед дверью. — Хобсон не знает, с кем я работаю. Для него вы — рекомендованный консультант.

Мориарти заметил, что она не добавила: "этого достаточно". Она вообще не сказала, чего именно достаточно. Просто открыла дверь.

Внутри, за застеклённым прилавком с лотками бархата и рядами колец, стоял человек лет сорока пяти — сухощавый, с лицом оценщика, привыкшего за секунду определять стоимость вещи в чужой руке. При виде Гарнье он кивнул без улыбки, но с облегчением человека, который давно ждёт помощи и уже почти перестал верить.

— Мисс Гарнье. — Взгляд на Мориарти. — Это тот человек?

Гарнье ничего не ответила. Только смотрела на Хобсона.

— Расскажите ему, — сказал он сам себе и провёл их в заднюю комнату.

Три месяца назад Хобсон купил партию у вдовы одного банкира. Двадцать семь предметов: кольца, броши, браслеты, медальоны. Хорошие вещи, с документами — гравировки, сертификаты ювелира, всё как надо. Перепродал девятнадцать предметов троем покупателям. Через месяц один из них вернулся: камень в кольце оказался не тем.

— Подделка? — спросил Мориарти.

— Имитация. Очень хорошая — цвет правильный, огранка та же, вес почти совпадает. Но не рубин. Шпинель. Стоит в десять раз дешевле. — Хобсон открыл коробку с непроданными вещами. — Я проверил оставшиеся восемь. В четырёх камни подменены. Из проданных четырнадцати, которые удалось собрать — семь с подделками. Итого одиннадцать из двадцати одной проверенной. В остальных шести, которые уже не найти, — скорее всего, та же пропорция.

Мориарти взял кольцо, поднёс к свету. Оправа старая, хорошей работы — серебро с чернением сороковых годов. Камень сидел плотно, без люфта. Следов вскрытия не было.

— Камни подменили до того, как вы купили партию. Не после.

— Именно. Но как? Вдова — пожилая женщина, понятия не имела. Сертификаты выданы ювелиром Харрисоном с Хэттон-гарден — он умер в шестьдесят четвёртом. Ювелир, которому я показал кольца сейчас, говорит: оправы не вскрывались. Камни сидят так, как будто их никогда не трогали.

— Или как будто их подменили давно. — Мориарти отложил кольцо. — До того, как сертификат был выдан.

— Но зачем Харрисону выдавать фальшивый сертификат на собственные изделия?

— Не Харрисону. Мне нужно видеть сертификаты.

Он разложил их на столе и читал методично, один за другим. На третьем остановился.

— Бумага.

— Что?

— Водяной знак разный. — Он поднял сертификат к свету, взял соседний — с настоящим камнем — для сравнения. — На подлинных: якорь в овале. На четырёх ваших: якорь без овала. Другая партия бумаги. Другой год выпуска.

Хобсон взял оба листа. Посмотрел на просвет. Лицо медленно менялось.

— Значит, сертификаты...

— Часть поддельная. Изготовлены позже, чем датированы. Вдову обманули до вас — продали вещи с подменёнными камнями и фальшивыми документами, вперемешку с настоящими. Она не проверяла. Хранила всё вместе годами. — Пауза. — Установить, кто именно, — сложно, если человека уже нет рядом. Но установить период изготовления бумаги — можно. У Британского музея есть коллекция образцов с водяными знаками по годам. Потом — кто имел доступ к вдове в тот период.

Хобсон смотрел на сертификаты с видом человека, у которого земля уходит из-под ног — но не в пропасть, а этажом ниже, на твёрдое.

— Это не решает моей проблемы с покупателями. Они заплатили за рубины.

— Нет, — согласился Мориарти. — Но устанавливает, что вы сами были жертвой мошенничества. Юридически существенная разница. Мне нужно взять четыре поддельных листа на два дня. И список всех, кто бывал в доме вдовы за последние десять лет.

Через два дня он вернул сертификаты. К ним прилагался лист с тремя именами — и одним именем, обведённым: бумага с якорем без овала производилась на фабрике Смита в Бристоле с пятьдесят восьмого по шестьдесят второй год. Среди людей, посещавших вдову в тот период, был некий Клод Феррье — французский антиквар, дважды оценивавший коллекцию мужа, последний раз в шестьдесят первом. Покинул Лондон в шестьдесят третьем. По сведениям — Антверпен.

— Феррье, — сказал Хобсон. — Я его не знаю.

— Вдова знает. Этого достаточно для претензии.

На улице Гарнье шла рядом, не торопясь.

— Вы опять не сделали ничего незаконного, — сказала она.

— Я прочитал водяные знаки и сходил в библиотеку.

— Именно. — Небольшая пауза. Он заметил, что она не смотрит на него — смотрит вперёд, на улицу, и что-то в этом взгляде было не таким, как обычно. Не наблюдением, а чем-то другим. — Хобсон расскажет об этом шести людям к концу недели. У каждого — проблемы, которые кажутся им нерешаемыми. Они привыкли думать, что решение требует силы или денег.

— Водяные знаки — это не особенное знание. Любой библиотекарь знает о коллекции Британского музея.

— Любой библиотекарь не сидит напротив Хобсона, — ответила она. — Вы сидите. Это и есть разница.

Он не ответил. Но подумал: она уже знала это, когда приходила к нему в первый раз. Знала до того, как положила лист с цифрами на стол. Это был не вопрос — это было предложение, составленное заранее, точно и без лишних слов.

Он покосился на неё. Она по-прежнему смотрела вперёд.

Он решил, что спросит об этом позже. И не спросил — ни тогда, ни потом.

Глава 3. Армейский вопрос

Прошло четыре месяца.

Комната над лавкой часовщика изменилась мало — та же доска, тот же стол, та же узкая кровать, на которой Мориарти теперь спал гораздо реже, чем работал. Изменилось другое: на столе теперь лежала стопка писем без подписей, каждое — задача. Контракт на поставку угля, в котором что-то не сходилось. Спор двух домовладельцев о границе участков, основанный на геодезической съёмке с ошибкой в полградуса. Вопрос о партии швейных машин, застрахованных на одну сумму и оценённых таможеней совершенно иначе.

Ни одно письмо не было подписано настоящим именем. Ни одно не содержало прямой просьбы о чём-то незаконном. Каждое — просто вопрос, на который у автора не было ответа, а у Мориарти, как правило, был — в течение часа, иногда двух.

Гарнье появлялась раз в одну-две недели, забирала решённые задачи, оставляла новые. Он замечал, что стопка писем никогда не уменьшается до нуля — следующая задача всегда появлялась раньше, чем заканчивалась предыдущая. Он не знал, случайность это или намерение. Он решил, что это намерение, — и обнаружил, что это его не раздражает. Это его устраивало.

Этот момент он запомнил. Это важно — запомнить момент, когда что-то перестаёт раздражать.

В тот вечер, когда Гарнье пришла в очередной раз, с ней был человек, которого Мориарти видел впервые.

Высокий, прямой, с военной выправкой, которая не исчезает даже у людей, давно снявших мундир. Лицо загорелое, обветренное — годы не в кабинетах. Серые, очень внимательные глаза меряли комнату — доску, бумаги на столе, самого Мориарти — со скоростью человека, привыкшего оценивать местность прежде, чем сделать шаг.

— Профессор Мориарти, — сказала Гарнье, — полковник Моран. Бывший — индийская армия, охотничьи экспедиции, несколько разногласий с командованием.

— Себастьян Моран, — произнёс тот сам, без рукопожатия, с коротким наклоном головы. Голос низкий, спокойный — голос человека, который не повышает его, потому что давно привык, что его слушают и так. — Мне сказали, вы решаете задачи.

— Мне сказали, что у вас есть задача, — ответил Мориарти.

Моран коротко усмехнулся — без особого веселья — и сел, не дожидаясь приглашения, на единственный стул для посетителей. Гарнье осталась у окна. Мориарти заметил, что она не смотрит на Морана — смотрит на него самого. Наблюдает. Так наблюдают за экспериментом, результат которого уже предсказан, но всё равно интересен.

— У меня есть знакомые, — начал Моран, — которые работают на одного человека. Имя не называю. Назовём его поставщиком.

— Хорошо.

— Этот поставщик имеет контракт — неформальный — на поставку определённых товаров в один из армейских arsenалов. Официально — фурнитура, инструменты, запасные части для артиллерийских лафетов. Внутри — кое-что другое.

— Оружие, — сказал Мориарти. Не вопрос.

— Не для здешнего рынка. Для рынка далеко отсюда, о котором вам не нужно знать. — Моран наклонился вперёд. — Схема работала четыре года. Три месяца назад сменился начальник снабжения в арсенале. Новый человек — методичный, дотошный, проверяет каждую партию лично. По нашим сведениям, начал взвешивать партии случайным образом. Если заметит расхождение между декларируемым весом и фактическим содержанием — вся схема за четыре года всплывёт одновременно. Это не штраф. Это виселица.

— Сколько партий в месяц?

— Шесть. С разных складов.

— И новый начальник выбирает, какую взвесить, сам — или есть система?

Моран на секунду замешкался. Этот вопрос он себе не задавал.

— Не знаю. Могу узнать.

— Узнайте. И принесите записи о весе всех шести партий за последние три месяца.

— Зачем?

— Потому что "случайный выбор" почти никогда не бывает случайным. Люди подчиняются закономерностям, которые сами не замечают — времени дня, дню недели, усталости к концу смены. Если я найду закономерность в его проверках, скажу вам, какие партии статистически безопасны. Вашему поставщику не нужно менять всю схему. Достаточно изменить распределение груза.

Моран медленно кивнул. В его взгляде Мориарти впервые увидел не оценку местности, а другого рода оценку — внимательную, без скидок на то, что перед ним учёный.

— Если вы ошибётесь...

— Я не ошибусь. — Мориарти произнёс это без интонации, как факт о температуре воздуха. — Но если вас успокоит: да, я понимаю последствия ошибки. И меня это не останавливает.

Что-то в этой фразе показалось Морану знакомым. Он чуть прищурился — словно вспоминая, где слышал похожее, — но не нашёл ответа и просто кивнул.

— Записи будут у вас через два дня, — сказал он, поднимаясь. Взял шляпу, посмотрел на доску с уравнениями. — Это что?

— Расчёт теплопроводности металлических деталей в зависимости от температуры воздуха при погрузке.

Моран посмотрел на него, потом на доску, потом снова на него.

— Это для нашего дела?

— Да.

— Вы уже начали.

— Я начал, как только вы изложили задачу. — Мориарти взял мел и дописал строку. — Записи нужны для уточнения. Не для начала.

Моран ушёл. Дверь закрылась тихо.

Гарнье молчала несколько секунд — дольше, чем обычно.

— Знаете, что сейчас произошло? — спросила она наконец.

— Я взялся за задачу, связанную с контрабандой оружия. Достаточно ясно.

— Нет. — Она подошла к доске, провела пальцем по краю — не касаясь мела. — Моран вышел отсюда, думая о вас не как об учёном чудаке. Он думал о вас как о человеке, который понимает риск так же ясно, как он сам. Просто работает другим оружием. — Она повернулась к нему. — Это меняет всё.

— Почему?

— Потому что до сегодняшнего дня вы были инструментом. Полезным, но внешним. Человеком, которого вызывают и забывают. — Она сделала шаг к окну. — Моран не работает с инструментами как с равными. Если он начал говорить с вами так — через месяц расскажет о вас поставщику. Не как об учёном. Как о человеке, без которого схема, работавшая четыре года, продолжит работать ещё двадцать.

— И тогда?

— И тогда, — она снова посмотрела на него, и в её взгляде была почти нежность, смешанная с чем-то, что он не сразу опознал, — у вас уже не будет возможности сказать "нет". Не потому, что вам угрожают. А потому, что вы станете единственной причиной, по которой несколько десятков людей спят спокойно. Такого человека никто не отпускает добровольно. Даже если бы вы сами захотели уйти.

Мориарти смотрел на доску. На три уравнения, которые он написал ещё во время разговора с Мораном, пока тот излагал задачу.

— А я хочу уйти? — спросил он, не глядя на неё.

Гарнье не ответила. Но он услышал — или ему показалось, что услышал, — как она чуть изменила дыхание. Не вздох. Что-то меньше.

Она взяла со стола письма — решённые задачи за неделю — и направилась к двери.

— Спокойной ночи, профессор.

— Мисс Гарнье.

Она остановилась.

— Вы знали, что он начнёт говорить со мной как с равным. До того, как он пришёл.

Пауза.

— Откуда такой вывод?

— Потому что вы наблюдали за мной, а не за ним. Весь разговор. — Он повернулся к ней. — Вы наблюдали за тем, как я реагирую. Не за тем, как он объясняет.

Она смотрела на него — несколько секунд, не торопясь.

— Спокойной ночи, профессор, — повторила она и вышла. Дверь закрылась без стука.

Он стоял и думал о том, что она не ответила. Потом вернулся к доске.

Уравнения ждали.

Марш

Лондон, декабрь 1867 года

Дело о краже со склада на Тауэр-хилл закрылось за три недели — двое из троих рабочих дали признательные показания, третий был отпущен за недостатком прямых улик. Марш написал отчёт, передал дело в суд и взял следующее.

Но лист с тремя строками — хлопок из Александрии, три дела, три несовпадения в весе — он не выбросил. Переложил в папку, которую завёл отдельно от рабочих документов. Папка была тонкой. Пока.

В декабре добавилась четвёртая строка.

Дело пришло не к нему — к коллеге, инспектору Брауну, который упомянул его за обедом мимоходом: небольшой спор между портовым агентом и страховой компанией, груз прибыл с недостачей в весе, агент настаивает на "естественной усадке", страховая не согласна, всё в пределах гражданского, ничего интересного.

— Что за груз? — спросил Марш.

— Хлопок, — сказал Браун. — Египетский.

Марш отложил вилку.

— Из Александрии?

— Да. А что?

— Ничего, — сказал Марш. — Просто интересно.

После обеда он зашёл к Брауну и попросил посмотреть документы — неофициально, товарищески. Браун пожал плечами и дал. Марш переписал данные в блокнот: судно, маршрут, дата, расхождение в весе.

Четыре точки. Разные суда, разные агенты, разные сроки. Но одно и то же: хлопок из Александрии, вес при разгрузке в Лондоне меньше веса при погрузке — чуть больше, чем объясняет усадка.

Четыре точки — это ещё не линия. Но это уже что-то.

Марш закрыл блокнот и убрал его в ящик стола, к папке.

Он думал о том, что человек, который строит такую схему — одинаковую логику, разные суда, разные агенты, чтобы ни одно дело не тянуло за собой другое — этот человек думает наперёд. Думает о том, как это будет выглядеть снаружи. Думает о том, что именно такой наблюдатель, как Марш, будет искать.

Марш поймал себя на странной мысли: ему было любопытно. Не в смысле служебного долга. В смысле — хотелось понять, как устроена голова у человека, который это придумал.

Он открыл блокнот снова и дописал пятую строку — с вопросительным знаком: *кто принимает решение о распределении грузов между рейсами?*

Ответа у него не было. Но вопрос казался правильным.

Глава 4. Закономерность

Записи, которые принёс Моран два дня спустя, занимали почти двадцать листов — даты, номера партий, имена офицеров, проводивших проверки, время с точностью до получаса.

Мориарти разложил их на полу — стол был слишком мал — и провёл над ними два дня почти без сна, выстраивая таблицу за таблицей. К вечеру второго дня закономерность

проступила настолько ясно, что он пересчитал всё заново — не из сомнения, а из привычки не доверять элегантным решениям с первого раза.

Результат не изменился.

Новый начальник снабжения, человек по фамилии Хейз, проверял партии не по графику — но и не случайно. Восемьдесят три процента проверок приходились на время после полудня. До обеда — одиннадцать. Объяснение было до смешного простым: Хейз был методичным утром и торопился к концу смены — но не избегал работы, а реагировал на раздражение. Накладные с нечитаемыми печатями, неаккуратным почерком, плохо пропечатанными датами вызывали у него желание разобраться с ними и отделаться — именно поэтому он хватался за них после обеда, хотя думал, что проверяет наугад.

Иными словами: чем хуже оформлена накладная — тем выше шанс проверки. Чем аккуратнее — тем ниже, независимо от времени дня.

— Накладные нужно переоформить, — сказал Мориарти, когда Моран пришёл за результатом. — Партии с содержимым — безупречно. Лучшие чернила, разборчивый почерк, читаемые печати. Партии без содержимого — чуть небрежнее обычного.

— Это всё? — Моран смотрел на единственный лист, который ему протянули. Там не было ни слова об оружии. Только таблица: тип накладной — вероятность проверки.

— Хейз не ищет контрабанду. Он ищет повод закончить смену без лишних усилий. Дайте ему скучную работу с утра в виде нечитаемых партий, которые он привыкнет считать проблемными, — и его внимание со временем переместится на них по привычке, а не по подозрению. Аккуратность успокаивает дотошных людей быстрее, чем что угодно ещё. Это не моё мнение — это статистика последних трёх месяцев, записанная вашей собственной рукой.

Моран читал лист молча. Дочитал, сложил, убрал.

— Через месяц вернусь, — сказал он. — Не за новой задачей. Чтобы сказать, сработало или нет.

— Сработает.

— Я в этом не сомневаюсь. — Он остановился у двери. — Меня беспокоит другое. Поставщик потратил два месяца на разработку маршрутов и подкуп людей — и считал это решением высшего уровня. Вы решили задачу за два дня, без единого пенни на подкуп, без единого лишнего человека. Когда он узнает об этом — либо захочет встретиться с вами лично, либо испугается и решит, что вам лучше исчезнуть прежде, чем вы решите что-то подобное для кого-то другого.

— А что думаете вы?

Моран ответил не сразу.

— Думаю, что в моей жизни было не так много людей, рядом с которыми я чувствовал себя избыточным. — Он усмехнулся — на этот раз почти искренне. — Не самое приятное чувство, профессор. Но довольно интересное.

Дверь закрылась.

Мориарти долго смотрел на пустой стул. Потом подошёл к окну.

Внизу, под фонарём, стояла Гарнье.

Он спустился — впервые сам, без приглашения, вышел на улицу к ней, а не дождался, пока она войдёт. Это он тоже заметил. И отметил про себя — без особых выводов.

— Вы слышали? — спросил он.

— Почти всё. Окно было открыто. — Она не выглядела смущённой. — Моран прав. Вопрос только в том, какая реакция поставщика окажется первой — и успеете ли вы к тому моменту стать слишком полезным, чтобы вас просто убрали.

— А если не успею?

Она посмотрела на него — не так, как смотрела обычно. Что-то в этом взгляде было прямее, чем наблюдение.

— Тогда я бы предпочла знать заранее, — сказала она тихо. — У меня, видите ли, появилась привычка приходить сюда не только по делу.

Она произнесла это буднично, без драматизма. Мориарти, умевший разложить любую систему на переменные, обнаружил, что не знает, что ответить. И впервые за долгое время это не вызвало у него раздражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.